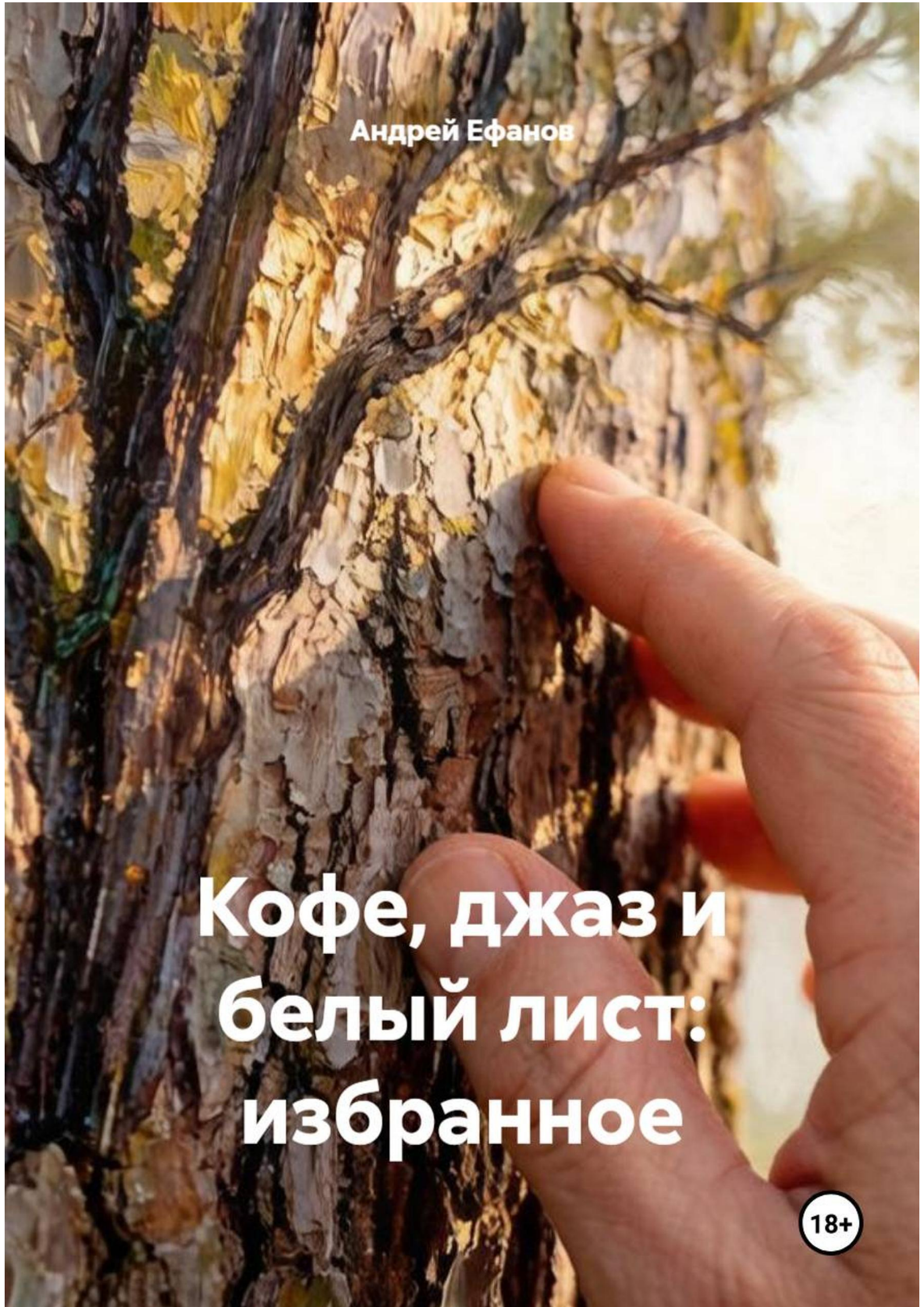

Андрей Ефанов

Кофе, джаз и белый лист: избранное

18+

Андрей Ефанов

**Кофе, джаз и белый
лист: избранное**

«Автор»

2026

Ефанов А.

Кофе, джаз и белый лист: избранное / А. Ефанов — «Автор», 2026

Сборник рассказов, в котором пересекаются судьбы людей, ищущих себя в ритме большого города. Здесь кофе — не просто напиток, а ритуал, помогающий остановиться и задуматься; джаз — саундтрек к размышлениям о жизни, любви и одиночестве; а белый лист — символ новых начал, страхов и надежд. Каждый рассказ — это история о выборе, о встречах и расставаниях, о поиске смысла в повседневности. Герои сборника — художники, музыканты, писатели, обычные прохожие — сталкиваются с вопросами, которые волнуют каждого: как не потерять себя, как услышать свой внутренний голос и как научиться жить в гармонии с миром и собой.

Атмосфера сборника пронизана лёгкой меланхолией, тёплым юмором и искренностью. Это книга для тех, кто любит размышлять о жизни за чашкой кофе, кто слышит музыку в тишине и кто знает: любой новый день — это шанс начать всё с чистого листа.

Содержание

Притча	5
Женщина и Бог	6
Выбор	7
Кофе, джаз и белый лист	11
Шторм и штиль, сланец и олово	15
Семечка секвойи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кофе, джаз и белый лист: избранное

Притча

В одном из индийских городов, где пыль дорог смешивалась с запахом сандала и жаром полуденного солнца, жил мудрец.

Для него шахматы были не просто игрой — это был его способ быть самим собой. Он не переставлял фигуры, а проживал их, вдыхая в чёрно-белый мир доски тот смысл, которого не находил в хаосе бытия. Каждая партия была его маленьким бунтом, попыткой утвердить порядок на расчерченном поле жизни.

Однажды к нему пришла Смерть. Она не была страшной — лишь тенью на стене, холодным напоминанием о том, что время вышло. Но мудрец не дрогнул. Он увидел в пустоте не конец, а нового, самого достойного соперника.

— Сыграем? — предложил он.

Это был не вопрос, а выбор: как прожить последнее мгновение. Смерть согласилась.

И началась игра. Не за жизнь и не против смерти — это было бы слишком просто. Это была битва за смысл, за право быть собой перед лицом небытия.

Сутки они провели в молчании, нарушаемом лишь стуком дерева о дерево. Смерть играла по правилам необходимости, но мудрец — по законам свободы. Он не просчитывал ходы, а создавал их, вырываясь из предначертанной колеи. И он победил.

— Ты победил меня, — прошелестела Смерть. — Проси награду: годы жизни, богатство, славу.

Мудрец усмехнулся. Он знал цену этим иллюзиям.

— Я хочу ещё одну партию.

Смерть изумилась:

— Но почему? Ты мог бы продлить своё существование в этом мире. Что даст тебе ещё одна игра?

И тогда мудрец произнёс то, что было сутью его жизни:

— Важно не то, сколько ты живёшь, а то, как ты живёшь. Шахматы — это метафора бытия. Не в количестве партий счастье, а в том, чему они тебя научили. За всю жизнь я не встречал соперника достойнее тебя. Что может научить любить жизнь лучше, чем сама Смерть?

Смерть склонила голову. Она знала: человек свободен выбирать, как прожить каждый свой день. Не в числе вдохов счастье, а в том, чтобы каждый был наполнен радостью. И она согласилась на ещё одну партию. Потому что понимала: человек живёт лишь до тех пор, пока делает свой следующий ход.

Женщина и Бог

Однажды женщине приснился удивительный сон. Она оказалась в небольшом, но очень уютном магазинчике. За прилавком стоял Господь.

— Господи! Это Ты? — воскликнула она с трепетом.

— Да, это Я, — ответил Он с мягкой улыбкой.

Женщина огляделась. На полках не было привычных товаров, но в воздухе витало ощущение чуда.

— А что у Тебя можно купить? — с любопытством спросила она.

— У меня можно купить всё, — прозвучал спокойный ответ.

В голове женщины пронеслись все её заветные желания.

— В таком случае дай мне, пожалуйста, здоровья, счастья, любви, успеха и много денег.

Бог доброжелательно кивнул, улыбнулся и скрылся в подсобке. Женщина с нетерпением ждала, представляя, как из-за двери появится что-то большое и ценное.

Он вернулся с маленьким бумажным пакетиком.

— И это всё?! — воскликнула она, не скрывая разочарования. — Я просила так много!

— Да, это всё, — ответил Бог. — Разве ты не знала, что в моём магазине продаются только семена?

В пакете лежали крошечные, почти невесомые семена.

— Но как же так?.. — растерялась она.

— Ты получила всё, о чём просила. Я даю возможности. А воспользуешься ли ты ими — твоя забота.

Женщина проснулась. В комнате было темно и тихо. Сердце всё ещё билось от волнения. Она опустила взгляд на свои ладони и замерла: в них лежал тот самый бумажный пакетик.

Она осторожно приоткрыла его. Внутри, на тонкой бумаге, лежали крошечные семена, переливающиеся, словно звёздная пыль. Она не знала, что с ними делать. Но почему-то была уверена: вырастить их потребует больших усилий.

Она выглянула в окно. На улице шёл дождь, смывая границы между сном и явью. Женщина улыбнулась и спрятала пакетик в ящик стола.

С тех пор прошло много лет. Она так и не решилась его открыть. Но иногда по ночам ей кажется, что из-под крышки доносится едва уловимый шёпот — будто кто-то ждёт своего часа.

И никто не знает, что стало с теми семенами. И что бы выросло, если бы она их посадила.

Выбор

Рассказ

Основано на реальных событиях.

Сначала был только звук. Глухой, протяжный гул, будто сама земля издала стон. А следом — удар. Такой силы, что время, казалось, остановилось, а потом рассыпалось на тысячи осколков.

Джеймс Корбетт открыл глаза и не сразу понял, где находится. Вокруг — темнота, плотная, пыльная, пахнувшая сырой штукатуркой и ржавой арматурой. Она забивалась в нос, липла к ресницам. Он попытался вдохнуть — и закашлялся. Воздух был тяжёлым, с привкусом бетона и чего-то ещё... сладковатого, металлического. Кровь?

Тишина после удара была оглушительнее самого грохота. Он пошевелил пальцами ног. Они слушались. Это было первое чудо. Второе — он мог дышать. Третье — он был в сознании. Я жив.

Мысль была чужой, медленной, как капля смолы.

Он попытался пошевелиться. Ноги... они были на месте, но их придавило чем-то огромным. Плита. Бетонная плита. Она не раздавила их, но и не давала встать. Он был в каменной коробке, где можно было только лежать и думать о том, как мало места осталось для жизни.

Слева... Он повернул голову на дюйм, и шею пронзила острая боль. Слева была трещина. Узкая, кривая щель в завале. И через неё... Свет. Это было не просто пятно яркости. Тонкий, ослепительно-белый луч пронзал пыльный мрак, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Они кружились в нём, как золотые искры.

Вот он. Выход.

Справа была только тьма. Абсолютная, вязкая. И звук.

Сначала он подумал, что это эхо его собственного дыхания или скрип повреждённых конструкций. Но звук повторился — тонкий, пронзительный плач. Он шёл из глубины завала.

Котёнок?

Мысль была абсурдной. Здесь? Под тоннами бетона? Но звук не прекращался. Он был слабым, но настойчивым.

Джеймс замер. Логика кричала ему: «Копай к свету! К воздуху! Ты врач, ты должен спасти себя!» Но что-то другое заставило его повернуться направо. Свет был слева. Но справа была жизнь. Он начал копать. Не к свету — от него.

Это было медленное, мучительное действие. Руки были его единственным инструментом. Он скрёб бетонную крошку, отгаскивал мелкие камни, разгребал пыль, которая тут же забивала нос и рот. Кожа на пальцах быстро стёрлась до крови. Ногти ломались. Но он не останавливался. Плач котёнка стал для него компасом.

Три часа. Ему казалось, что прошла вечность. Руки онемели от усталости и холода бетона.

Наконец пальцы нащупали пустоту. Не щель, а именно полость — небольшое пространство за завалом. Он расширил проход и увидел их.

В полумраке сидела серая кошка — худая настолько, что рёбра проступали сквозь шерсть, с рассечённой мордой. А рядом — два крошечных комочка меха.

Кошка увидела его одновременно с тем, как он увидел её.

Она зашипела. Звук был низким, утробным и полным такой первобытной ярости, что Джеймс замер на месте с поднятой рукой.

Он медленно опустил руку ладонью вверх на уровень её морды.

— Тише... — выдохнул он хрипло. Голос был чужим — скрипучим от пыли и обезвоживания. — Я не трону их. Я не трону тебя.

Кошка замерла на мгновение и принялась к его крови на пальцах. Её усы дрогнули. Она долго смотрела на него своими огромными жёлтыми глазами, в которых плескались страх и усталость.

Джеймс смотрел ей прямо в глаза (или ему так казалось во тьме). В этих омуты был не только страх, но и отчаянная надежда. Он вдруг понял: она здесь так же долго, как и он, или даже дольше. Она защищала котят в этом каменном мешке, пока не кончились силы.

— Я врач, — прошептал он, и это слово прозвучало странно и неуместно здесь, под руинами. — Я спасу вас.

Он говорил это не столько кошке, сколько самому себе, чтобы придать сил. Чтобы поверить в то, что спасение возможно не только для него одного.

— Слышишь? — он кивнул головой в сторону стены, откуда доносились глухие удары и далёкие голоса спасателей. — Они уже близко. Они нас вытащат. Всех нас.

Кошка моргнула. Звук его голоса, кажется, действовал на неё успокаивающе.

И тут произошло невероятное.

Она успокоилась так же внезапно, как и напала. Шипение оборвалось на полутоне. Она поднялась на дрожащие лапы и сделала шаг к нему навстречу своей странной кошачьей походкой враскачку.

Она взяла одного котёнка зубами за шкуру — очень бережно для зверя в таком состоянии — и перенесла его прямо на грудь Джеймса.

Он почувствовал тепло маленького тельца сквозь мокрую от пота и пыли рубашку. Это было первое живое тепло за... вечность.

Кошка вернулась за вторым котёнком и положила его рядом с братом-близнецом.

А затем легла сама вокруг них кольцом живого меха и тепла.

Джеймс лежал неподвижно, боясь спугнуть это хрупкое перемирие между видами под руинами цивилизации.

— Вот так... — тихо сказал он кошке, которая теперь лежала в нескольких сантиметрах от его лица, охраняя свой выводок на его груди. — Теперь мы вместе будем ждать. Теперь всё будет хорошо.

Её дыхание было горячим и частым у его щеки. Он видел, как медленно вздымаются её бока и бока котят в унисон с его собственным дыханием. Они стали одним целым посреди холодного камня. И в этот момент Джеймс Корбетт понял: он сделал всё правильно!

Сверху что-то капало.

Этот звук стал метрономом их новой жизни. Капля падала раз в несколько минут с глухим стуком о камень или звонким плюх о ладонь Джеймса.

Он поднял голову к источнику звука над головой и увидел тонкую струйку воды, сочащуюся из повреждённой трубы где-то высоко в обломках перекрытия (или это ему казалось высоко?). Вода была мутной, с привкусом ржавчины и химикатов бетона (гидроксид кальция? он помнил этот вкус по лабораторным опытам), но это была вода.

Он сложил ладони лодочкой под струйкой и поймал немного жидкости — столовую ложку мутной влаги с радужной плёнкой бензина сверху (откуда здесь бензин?!).

Половину он выпил сам — жадно запрокинув голову назад так сильно, что хрустнули шейные позвонки. Прохладная жидкость обожгла горло и потекла внутрь живительным огнём.

Вторую половину он протянул кошке. (Порт? Да... Он уже решил назвать её Порт).

Он плеснул воду в ладонь и поднёс к её морде очень осторожно, боясь пролить.

Она недоверчиво обнюхала его руку (запах крови смешался с запахом воды) и начала лакать шершавым языком (как наждачная бумага), касаясь кожи Джеймса самым кончиком (это прикосновение было нежным).

Так начался их совместный плен длиной в 67 часов.

Время перестало существовать как физическая величина (секунды/метры). Оно стало потоком сознания Джеймса Корбетта, врача из Бостона (Бостон... там дождь... там дочь...).

Джеймс говорил с кошкой. Он уже не различал границы между звуком и мыслью во тьме их общего склепа.

— Знаешь... у меня дома... дочь... Ей четыре года... У неё есть плюшевая кошка... Она зовёт её доктор Уискерс... Смешно, да?

— Я назову тебя Порт... В честь города... А котят... Гош и Дройт... По-французски... Левые и правые...

Он гладил котят по мягкой шерстке между ушами кончиками пальцев — единственное движение, которое он мог себе позволить без риска потревожить завал или напугать кошку-мать.

Кошка слушала его голос или просто дремала рядом с котятами на его груди? Он не знал. Но она больше не шипела на него.

Иногда сверху сыпалась пыль от далёких толчков или работы спасателей где-то в другом крыле здания (он слышал голоса вдалеке). Тогда кошка настораживалась и крепче прижимала котят к нему своим телом.

— Ты научила меня... Что выбор не всегда очевиден... И мы будем жить...

Свет был слева. Он видел этот луч всё время боковым зрением — манящий обманчивый выход туда, где никого нет кроме пустоты и смерти от обезвоживания через пару дней без воды из трубы.

Жизнь была справа. Здесь было тепло маленьких телец и тихое мурлыканье кошки-матери в такт его дыханию.

На третий день голоса стали громче:

— Есть кто живой?

Джеймс закричал в ответ:

— Я здесь! Я врач! Я жив!

Спасатели начали работать над трещиной слева — той самой трещиной к свету.

Когда дыра стала достаточно большой для руки человека:

— Эй! Мы вас слышим! Потерпите ещё немного!

Джеймс не ответил сразу. Он аккуратно взял кошку вместе с обоими котятами в свои израненные руки и осторожно протолкнул их наружу — туда, где были люди и солнце.

Их забрали чьи-то руки в перчатках спасателей.

И только после этого Джеймс позволил им вытащить себя из каменного плена на свет.

В Бостоне он усыновил всех троих: Порт (мать), Гош (котёнок) и Дройт (котёнок).

На его рабочем столе и сейчас стоит кусок бетона с острыми краями — осколок той самой плиты из клиники Карфур в Порт-о-Пренсе.

Когда коллеги спрашивают его: «Зачем ты хранишь этот камень?», Джеймс смотрит на него долго-долго и отвечает тихо:

«Это напоминание о выборе... Видите ли... Свет был слева от меня в той щели под завалом... Самый очевидный путь к спасению... Но жизнь оказалась справа».

Кофе, джаз и белый лист

*"...не волнуйся напрасно.
я, как ни странно, живу. у меня есть
веранда, книги и чай с душицей.
остывающий берег, полночь, маяк,
прилив. я курю очень редко. со
мной ничего не случится. я читаю
Тургенева, Цвейга, рассказы По, ем
пирожные с самым воздушным кремом.
затеваю от скуки какой-нибудь
глупый спор. сам с собою, конечно.
но это же не проблема? я гуляю с
собакой, смотрю на барашки волн.
здесь рыбацкие сети пахнут песком
и тиной. есть бутылка крепленого.
к чёрту сегодня сон. я напьюсь и
отмечу печальную годовщину. ничего
не случится. просто вернусь назад.
в сумасшедшее время кафешек и
поцелуев, аритмии, концертов,
прогулок и автострад ты же помнишь
меня тем сказочным обалдуюм? я
влюбился до жути, как будто попал
в кино. Тарантино и Финчер дымил
тогда в сторонке. я забыл все
названия, я повторял одно –
ядовитое слово, звучащее слишком
громко. задыхался у двери,
бросался к твоим губам.
карамельное солнце лилось на
паркет и кожу. ты пьянила, как
вермут, и я напивался в хлам. мы
смотрели на люстру и хохотали,
лёжа. ничего не случилось. или
случилось всё. я увидел Венецию,
Сидней, Стамбул и Рио. я узнал про
Гогена, Хендрикса и Басё это было
цунами. бедствие. шок. эйфория.
всюду был этот запах – мята,
миндаль, ваниль. по черничному
небу рассыпались манкой звёзды. мы
сбежали из дома. нас прятал
автомобиль. ты почти заменила мне
воду, еду и воздух. не волнуйся
напрасно. я не сижу в сети. не
смотрю твои фото и не пишу
знакомым. у меня есть бутылка,
фрукты и «ассорти». только старое
чувство в горле застыло комом. я
гуляю по пляжу, ракушки кладу в
карман, наблюдаю, как море
взрывается с новой силой. ничего*

*не случится. подумаешь – буду
пьян. ничего не случилось.
подумаешь – разлюбила"...*
— **Полина Шибеева**

Рассказ

Он проснулся раньше обычного, когда за окном ещё не рассвело. В комнате стояла та особая тишина, которую можно услышать только в такие часы: ни шума машин, ни голосов, только собственное дыхание и едва уловимый шёпот старого дома.

Ему недавно исполнилось шестьдесят. Тело уже не было таким лёгким, как в молодости, но в этой тяжести появилась своя основательность, своя правда.

Он подумал, что сегодня обязательно встретит рассвет. Не потому, что это какое-то важное дело, а просто потому, что это стало для него радостью — видеть, как свет медленно наполняет комнату, как меняются тени на стене. Раньше он не замечал таких вещей. Теперь же каждая мелочь обрела значение.

Встав с кровати, он прошёл на кухню. Здесь всё было знакомо до последней трещинки на плитке, до царапины на старом деревянном столе. Он достал турку — не автоматическую кофемашину, а именно турку, которую купил много лет назад на рынке. Засыпал кофе, добавил щепотку соли — чтобы убрать горечь — и совсем немного корицы. Не для вкуса, а для запаха, который напоминал о временах, когда мир ещё не был оцифрован.

Пока кофе грелся, он смотрел в окно. Город только начинал просыпаться. Он заметил, как на ветке за окном качнулась птица — просто так, без всякой цели. Раньше он бы не обратил на это внимания. Теперь же это маленькое движение показалось ему важным.

Кофе закипел. Мужчина снял турку с плиты, налил густую тёмную жидкость в любимую чашку — с чуть отколотым краем. Он вдохнул аромат и улыбнулся. В этом простом ритуале было больше смысла, чем во многих делах его прежней жизни. Он понял, что теперь умеет видеть. Не просто смотреть, а замечать: как свет ложится на стол, как пахнет утро, как тихо дышит дом.

Он сделал глоток. Кофе был горьковатым, с тем самым, знакомым привкусом. За окном уже светало. Небо из тёмно-синего становилось нежно-розовым. В такие минуты он чувствовал себя частью чего-то большого и простого одновременно. И это было настоящим чудом.

Вдруг с улицы донёсся звонкий, переливчатый свист. Он замер. Пели скворцы. Их голоса были такими чистыми и радостными, что на мгновение он забыл обо всём. Этот звук мгновенно перенёс его на сорок лет назад.

Он увидел себя молодым, в лёгком весеннем пальто. Рядом шла она — девушка, в которую он был влюблён без памяти. Они шли по аллее, и точно так же над их головами пели скворцы. Он помнил её улыбку, то, как она запрокидывала голову, чтобы посмотреть на птиц, и как её волосы чуть шевелил ветер. Тогда он не думал о будущем, не анализировал свои чувства. Он просто был счастлив — остро, до боли в груди. Сейчас, стоя у окна с чашкой кофе, он снова ощутил то тепло. Но теперь к нему добавилась тихая благодарность — за то, что это было.

Его лицо было словно вырезано из старого, потемневшего от времени дерева — каждая линия, каждая морщинка казались не случайными, а выверенными самой жизнью. Высокий лоб, пересечённый глубокими складками, говорил о долгих раздумьях. Кожа, загорелая и

сухая, туго обтягивала скулы. Под густыми бровями взгляд был спокойным и прямым — в нём не было ни вызова, ни усталости, только внимательная сосредоточенность человека, который привык встречать новый день с открытыми глазами.

Одной из его маленьких радостей были прогулки в парке. Он любил приходить туда рано, когда город ещё только начинал шевелиться. Особенно его тянуло в дубовую рощу — она просыпалась позже всех.

Здесь свет был другим. Он не бил в глаза, а просеивался сквозь густые кроны. Тени были длинными и дрожали на усыпанной листьями земле. Солнечные пятна играли на коре дубов. Воздух был наполнен тихим шелестом — это просыпались птицы.

Он шёл медленно. В такие минуты его сознание становилось спокойным и ясным. Мысли текли неторопливо.

«Без слова нет жизни», — думал он, касаясь ладонью тёплого ствола дуба.

Всё, что мы видим и чувствуем, существует для нас только потому, что у этого есть имя.

Он часто думал о тех, кто владел искусством слова в совершенстве.

«Вот оно, настоящее чудо: когда слово перестаёт быть просто знаком на бумаге и становится действием», — размышлял он.

Однажды с ним произошёл случай, который теперь должен был стать сюжетом его новой книги.

Это случилось ранней весной. Она работала в городской библиотеке. Он приходил туда не столько за книгами, сколько чтобы увидеть её.

В тот день на улице бушевала гроза. Он увидел её на выходе — она стояла под козырьком и растерянно смотрела на стену дождя.

Ему нужно было просто сказать: «Давайте я вас провожу». Или даже ничего не говорить — просто раскрыть свой старый зонт и встать рядом.

Но он промолчал. Он смотрел ей вслед сквозь мутное стекло двери...

Сегодня он мог признаться себе: он испугался показаться смешным.

И вот теперь он знал, что напишет об этом.

Он напишет о дожде и о том, как иногда самый мужественный поступок — это просто раскрыть зонт.

Это будет его подарок той девушке из прошлого — и самому себе: право на поступок, обрётённый в слове.

К возвращению домой у него уже складывался в голове каркас будущего текста. Но чтобы перенести его на бумагу, нужен был особый ритуал.

Он ставил на стол чашку с кофе. Затем включал музыку — случайную джазовую импровизацию. Перед ним лежал лист бумаги — белый квадрат, ещё полный тайны.

Рука сама потянулась к ручке.

Строки вспыхивали на бумаге. Они были нотами.

Вот — низкая нота: воспоминание о тяжёлой дубовой коре под ладонью.

А следом — прозрачная трель: её силуэт за пеленой дождя.

Между ними — паузы. Белое поле бумаги.

Он вёл мелодию к кульминации.

И вот — развязка: герой раскрывает зонт.

Он отложил ручку и посмотрел на исписанный лист.

На кончике сегодняшнего дня... было удивительное... завтра...
Он знал: завтра он продолжит эту мелодию.

Шторм и штиль, сланец и олово

(продолжение "Кофе, джаз и белый лист")

Однако завтра принесло не продолжение истории, а тишину. Не ту творческую паузу, которую он так ценил, а глухую, ватную пустоту.

Слова не шли. Страница оставалась девственно-белой, насмехаясь над его попытками.

Он смотрел на чистый лист так, словно забыл алфавит. Это было непривычно и пугающе. Всю жизнь он владел словом, а теперь оно предало его, оставив лишь эхо в голове.

В отчаянии он решил сменить обстановку. Не ради поиска вдохновения, а чтобы сбежать от этой немой ярости чистого листа. В этот момент он принял решение.

Он поедет на Куршскую косу. К Балтике. Он собрал небольшой рюкзак и поехал на вокзал, не имея чёткого плана, кроме одного — двигаться к морю.

Куршская коса встретила его ветром и запахом йода. Он стоял на гребне огромной дюны, и перед ним раскинулось море — одно и то же море, но совершенно разное в двух своих ипостасях.

Слева, где дул резкий западный ветер, разыгрался шторм. Вода была не синей и не серой, а цвета мокрого сланца, свинцового оттенка с белыми прожилками пены.

Волны шли тяжёлыми, размеренными валами, с глухим, утробным гулом обрушиваясь на песчаный берег. Каждая волна несла с собой тонны песка и водорослей, перекатывая их с глухим скрежетом. Воздух был плотным, солёным, он бил в лицо, заставляя щуриться.

Крики чаек здесь были пронзительными и тревожными, они метались над бурунами на фоне низкого, стального неба, словно обрывки бумаги в урагане.

А справа, в небольшой бухте, отгороженной от открытой воды песчаной косой, царил абсолютный штиль.

Вода здесь была гладкой, как полированное олово или тёмное зеркало. В ней отражалось небо — не стальное, а нежно-розовое от первых лучей рассвета. Эта неподвижность казалась обманчивой, почти мистической.

Здесь не было грохота прибоя, лишь тихий, едва слышный шелест слабой волны, лизавшей песок.

И чайки здесь вели себя иначе: они сидели на воде плотными стайками или медленно планировали над самой поверхностью, и их крики были мягкими, гортанными звуками.

Он сидел на краю старого бетонного волнореза — серого, поросшего по швам жёсткой травой и мхом — и смотрел на эту двойственную картину.

Это было одно и то же море. Оно могло быть яростным и сокрушительным, а могло быть безмятежным и глубоким.

Он был не единственным, кто приходил сюда за этой силой. Каждый день, в любую погоду, на этом же самом месте появлялся другой старик. Он был сухощав, носил старую штормовку и кепку с опущенными «ушами», даже когда ветра не было.

Они никогда не разговаривали. Это было не нужно. Их объединяло общее молчание перед лицом стихии.

Для этого старика море было не просто фоном для прогулок. Это был его ежедневный ритуал выживания.

Он приходил сюда не за красотой или покоем. Он приходил за силой. Он смотрел на шторм не со страхом, а с уважением к этой первобытной мощи. Глядя на то, как волны раз за разом бросаются на берег и не могут его сокрушить, он черпал силы для своей собственной борьбы с возрастом и немощью.

В грохоте прибоя он слышал ритм своего сердца и убеждался: пока бушует это море — он тоже жив. Пока есть эта сила — в нём есть силы ей противостоять.

А потом старик исчез.

Просто однажды его место у края волнореза осталось пустым. Никто не знал почему. Может быть, море в конце концов оказалось сильнее...

Прошла неделя. Он продолжал приходить. И однажды он сел именно на то место — у самого-самого края бетона, где от бушующей воды его отделял лишь один шаг.

И тогда он понял секрет.

Секрет был в праве на слабость. Сидя там, где сидел тот старик, он осознал главное: море заворачивает не потому, что оно всеильно.

А потому что оно абсолютно равнодушно к твоему бессилию.

Оно будет бушевать так же яростно, если ты упадёшь от усталости на этом самом месте. Оно будет так же безмятежно блестеть на закате если тебя не станет. Ему всё равно.

И в этом абсолютном безразличии заключалась высшая форма принятия.

Море не требовало от тебя быть сильным каждый день. Оно позволяло тебе быть слабым прямо сейчас, под его грохот или в его тишине.

Оно давало тебе право просто быть частью этого вечного движения — песчинкой на берегу или волной в океане — без цели и без смысла, кроме самого факта существования.

Он сидел там долго. Он пил свой остывший кофе из термоса и смотрел то на свинцовые валы слева, то на оловянное зеркало справа. Слова были не нужны.

Он понял: ему незачем черпать силы у моря, чтобы бороться со старостью. Ему нужно просто позволить себе быть старым под этим небом.

И это было настоящим чудом — тяжелее любого чемодана с рукописями, но гораздо проще любой написанной строки.

Семечка секвойи

Рассказ

1

Небо над городом стало маренговым, как бывает перед дождём.

Владимир стоял на Невском проспекте и взглядом искал телефонную кабинку, чтобы позвонить. Командировка в Ленинград затягивалась, а его жена Ника в другом городе, вот вот должна была родить. Владимир, почемуто был уверен, что родится мальчик. Он запустил несколько двухкопеечных монет в приёмник аппарата и набрал междугородний код. Раздался скрежет и на другом конце, в роддоме, ему ответили: родился мальчик, настоящий богатырь, 4200 весом.

Свершилось самое большое чудо любви! Желанный ребенок пришёл в этот мир. Имя выбирали недолго, назвали как отца, Володей. Ему хотелось петь. Кричать. Сердце выскакивало из груди.

И вдруг полил сильный дождь. Поразительный дождь! Никогда еще Владимир не видел, чтобы струи дождя светились таким ярким светом. Он запрокинул голову. Нет, ему не показалось. В мутной серой пелене неба застыло тусклое солнце, и лил почти зеркальный ливень. Владимир, весь мокрый от дождя, раскинул руки и громко крикнул:

- Ура!!! Сын! У меня сын!!! С ума сойти!!! Прохожие под зонтиками пробежали мимо, не обращая внимания. Сумасшедший!

Влюблённость - это диагноз!

- Я хочу от тебя ребенка, - говорила Ника, прижимаясь к нему. И чтобы быстрее забеременеть, всякий раз после секса, ложилась на живот, - Так обязательно залетишь!

И вот появился Вовка!

Только с возрастом уже, понимаешь полное значение всего случившегося. А тогда казалось, что их всё ещё двое, и только вчера произошла их встреча...

Её звали Ника. Владимир влюбился в неё с первого взгляда. Девушка с улыбкой Джаконды мелькнула среди спешащих прохожих на Аничковом мосту. Как видение, как стоп кадр. В одно мгновенье Владимир успел выделить её из всей толпы.

Она тоже что-то почувствовала, потому что вдруг обернулась и с удивлением посмотрела на него. Их взгляды встретились, и в городе не осталось больше никого, кроме неё и его, словно в песочных часах миг закончился песок.

Владимир прошёл весь мост прежде чем ясно понял, что хочет ещё раз увидеть свою незнакомку. Он испугался одной мысли, что больше никогда не увидит эту девушку. Владимир развернулся и пошёл обратно, ускоряя свой шаг. Они встретились на середине моста. Она тоже возвращалась ему навстречу и улыбалась. Такая удивительная! Такая красивая! Так они познакомились.

Она училась в финансовом институте на Фантанке, возле крылатых львов. Заканчивала аспирантуру. Первую встречу они отметили в ресторане "Якорь".

Ника заявила, что умирает с голода и что он, Владимир, должен её накормить и спасти. Они много шутили и смеялись в тот вечер. И никак не могли расстаться. Время вдруг пошло совершенно по другому, в разы быстрее. Встреча продолжилась в её съёмной квартире. Они

проговорили всю ночь. О родителях, о себе, о своих планах. Незаметно для них обоих, как-то само собой, эти планы сделались общими. Их тянуло друг к другу.

Браки заключаются на небесах, даже если ты и не фаталист. У бога тоже есть чувство юмора, и своё испытание - для каждого.

Утром они проснулись в объятиях друг друга, счастливые и с ощущением, что всегда знали друг друга и всегда были вместе.

- Мне так хорошо с тобой, - сказала она ему, - что даже страшно!

Ведь часто, когда любят так сильно-сильно, случается несчастье! Вспомни хотя-бы Ромео и Джульетту! От влюблённых исходит свет, который не спрячешь, а люди - злые и не прощают чужого счастья.

Если ты меня разлюбишь, я умру!

Владимир ответил:

- Об этом не беспокойся. Я буду любить тебя всегда, даже если у тебя вдруг вырастут птичьи лапы. И с птичьими лапами ты останешься самой любимой. И самой желанной!

- Это правда?! Ты не придумываешь?

- Правда! Ты самая любимая женщина на Земле!

И вот у них появился крошечный малыш. Их Вовка!

Когда ребёнок улыбался, у Владимира перехватывало дыхание. Он брал его на руки с любовью и нежностью, прежде ему неведомой. Вся жизнь этого маленького существа сейчас была в его руках! Это была его семечка секвойи.

Его чудо! У самого мощного дерева на планете, самая маленькая семечка, меньше укропного. Поражало, какая невероятная мощь скрыта до поры до времени в этой крошечной семечке. Так и младенец, уже таит весь потенциал своего рода, весь его генетический код. Поразительно!

- Ты моя маленькая семечка! - тихо шептал Владимир ребенку, который очень внимательно смотрел на него. - Ты мой комочек космической пыли! Ты моё продолжение! Моё маленькое солнышко! Я люблю тебя!

Ника называла Володю самым прекрасным из младенцев. Она говорила:

- Ты посмотри, все младенцы обыкновенные, а наш такой чудесный и уж точно, ни на кого не похож! А какой красивый!

- Весь в маму! - шутил в такие моменты Владимир.

Если ребенок рождается по любви, он всегда самый лучший из всех. Потому-что, самый любимый.

Ребенок был беспокойный, по ночам засыпал тяжело, часто и подолгу кричал. Супругам приходилось просыпаться, чтобы поочерёдно укачивать малыша. Когда тот наконец засыпал, Владимир на цыпочках укладывал его в кроватку.

Малыш улыбался во сне, трогательно посасывая соску. Его веки чуть подрагивали.

- Страшнее ребёнка зверя нет! - шутила Ника.

В одну из таких беспокойных ночей, Владимир проснулся как от крика ребенка, но тот спал. На кровати возле него сидела Ника, странная бледная и незнакомая.

- Что случилось? - спросил Владимир, интуитивно чувствуя неладное.

Ника энергично размахивала руками и шептала сбивчиво :

- Ты не понимаешь! Бедный, бедный Володя! Мне так жаль тебя! И мне очень страшно!

Владимир впервые не понимал, что происходит с Никой. Он растерялся:

- Родная, что случилось? Наверное, ты просто устала. Давай спать, пока ребенок не кричит.

На следующий день Владимир пришел с работы поздно. Ребёнок был у бабушки.

Его жена безучастно сидела на кровати и молча смотрела в одну точку. Лицо её за одну ночь обострилось и стало некрасивым как у Щелкунчика, почему-то подумалось Владимиру. На столе стояло ведро с картошкой, половина из которой была рассыпана по всей комнате.

Владимир оцепенел. Ему хотелось прекратить все происходящее, прервать как кошмарный сон. Он бросился к Нике, упал на колени и обнял её.

- Милая, что с тобой? Ты что?! Всё будет хорошо, потому-что я люблю тебя! Мы справимся, ведь у нас есть наш малыш, о котором мы должны позаботиться!

Владимир говорил и говорил, боясь остановиться, потому-что он вдруг понял, что случилось непоправимое. Он ещё не знал, что именно ... Предчувствуя неизбежность беды, он старался хотя-бы отсрочить её наступление.

Ему казалось, что если он сейчас не найдет нужных слов, то уже никогда и ничего нельзя будет исправить.

Ника никак не реагировала. Она вдруг встала с кровати и громко сказала:

- Ты не понимаешь! Картошка должна лежать ровно!

Пожилой доктор скорой помощи в белом халате с виноватым выражением на лице объяснил, что роды спровоцировали болезнь шизофрении.

"К сожалению, это не лечится," - сказал он, - "триггером рано или поздно, могло стать всё, что угодно, если была предрасположенность. Болезнь до конца не изучена. Увы! Ваша супруга будет адекватная только в периоды ремиссии."

2

Конец августа выдался тёплым. Воздух был неподвижен, блестящие нити паутины — почти невесомы, а на зелёном газоне в парке лежали солнечные пятна. И только тяжёлые, нали-тые кровью гроздья рябины разрушали эту идиллию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.